

История карельских обителей, порой насчитывающая не одно столетие, вплоть до последнего времени была изучена в самых общих чертах. Одни эпохи нередко во все являлись для ученых и любителей родного края *terra incognita*, в то время как недостаток сведений о других создавал почву для споров, домыслов, догадок и достаточно умозрительных заключений.

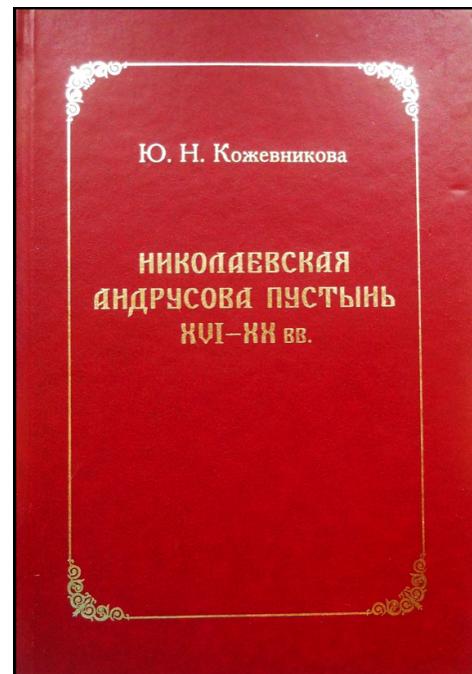
В буквальном смысле «прорывной» в изучении истории карельских православных монастырей стала напряжённая исследовательская работа, которую ведёт на протяжении многих лет Юлия Николаевна Кожевникова, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Национального парка «Водлозерский» (Республика Карелия). Помимо целой серии статей, автор опубликовала уже три научных монографии, которые внесли заметный вклад в изучение темы*.

Рецензируемая монография, увидевшая свет в 2017 г., посвящена истории крохотной Николаевской Андрусовой пустыни, расположенной в уединённом месте на небольшом полуострове-мысу восточно-го берега Ладожского озера «в мелководном заливе, известном в наши дни как Андрусовская бухта» [3: 78]. Посвятив первую монографию изучению общего и особенного в судьбах карельских монастырей в середине XVIII — начале XX века, автор решила написать для каждой обители свою, по-своему уникальную, историю [1]. Рассматриваемая монография стала второй в серии, которую открыл увидевший свет в 2014 г. труд Ю. Н. Кожевниковой по истории Благовещенской Яшезерской пустыни, основанной преподобным Ионой во второй половине XVI века на берегу Яше-озера в юго-западном Прионежье [2].

Среди прочих обителей северного края, которых, согласно сведениям, выявленным Ю. Н. Кожевниковой, накануне реформы секуляризации 1764 г. насчитывалось 42, выбор автора в качестве объекта исследования Никольской Андрусовой пустыни был обусловлен обращением с соответствующей просьбой братии, для которой сохранение памяти о канувшем в лету прошлом позволяет не только осмыслить опыт предшествовавших поколений, но и восстановить утраченную связь времен, особо остро осознаваемую и ощущаемую в поминовении всех, кто так или иначе причастен к истории возрождающегося монастыря [3: 5–6].

Очевидно, что Ю. Н. Кожевниковой известна опубликованная в 2008 г. статья доцента И. А. Черняковой, посвящённая судьбам обители в Раннее Новое время [4]. И это позволяет заключить, что не только инициатива братии, но и собственные научные интересы побудили автора приступить к написанию «правдивой и объективной» истории. В частности, проанализировав имеющуюся литературу, посвящённую Андрусовой пустыни, И. А. Чернякова заключила, что история обители, созданная в середине XIX века настоятелем Валаамской обители игуменом Дамаскиным (Кононовым), не пересматривалась, но всякий раз воспроизводилась вновь с добавлением сведений о жизни общины в годы, предшествовавшие выходу очередной публикации (в том числе и в статье Ю. Н. Кожевниковой, опубликованной в православном приложении к газете «Карелия» — «Сретение» в 1999 г.) [4: 16].

Исходя из заголовка, читатель может заключить, что монография посвящена истории Никольской Андрусовой пустыни. Однако это не совсем так. Внимательное знакомство с рабо-

* Подробнее ознакомиться с работами Ю. Н. Кожевниковой можно на персональном сайте автора, где также размещены PDF-версии статей и монографий. URL : <http://yukozhevnikova.blogspot.com>

той Ю. Н. Кожевниковой убеждает в том, что автор расширила объект исследования. Стремясь как можно более полно воссоздать жизнь обители, которая пережила преобразование из мужской в женскую (1685—1720 гг.), дважды была закрыта (1764 и 1919 гг.), но вновь восстановлялась (1818 и 2014 гг.), автор рассмотрела собственно историю самого места и его ближайших окрестностей [3: 157, 195, 323, 342]. Так, отдельные главы и параграфы Ю. Н. Кожевникова посвятила истории «монастырского» прихода, описав состояние церквей, причта и жизнь жителей деревни, существовавшей при пустыни (1764—1814 гг.); Низовского Ильинского прихода Олонецкого уезда, к которому временно в середине 1770-х гг. были приписаны церкви упразднённой Андрусовой пустыни; Успенской Сяндемской пустыни, которая была приписана к монастырю в период настоятельства иеромонаха Кирилла (1818—1822 гг.) и обрела самостоятельность только в 1902 г.; поселка Андрусово, в котором размещалась Андрусовская трудовая артель, а позднее — совхоз имени Володарского [3: 162—174, 175—180, 211—212, 285—286, 296—341].

При этом, касаясь собственно истории обители, Ю. Н. Кожевникова постаралась насколько возможно «вписать» её историю в контекст судеб монастырей северного края и рассмотреть в тесной связи с историей Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, настоятели которого принимали самое активное участие в жизни пустыни, начиная с XIX века.

В большинстве случаев монастырские рукописные собрания плохо сохранились или даже исчезли. Несмотря на это, Ю. Н. Кожевникова проделала впечатляющую и достойную восхищения работу, собрав внушительный комплекс всевозможных материалов — письменных, иллюстративных, археологических и устных свидетельств. Целый ряд документов по истории Андрусовой пустыни впервые введены ею в научный оборот из шести архивов (Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Новгородской области, Национального архива Республики Карелия, Архива Ново-Валаамского монастыря в Финляндии). Выявлены связанные с историей обители экспонаты четырёх музеев (Государственного исторического музея, Музея Археологии и этнографии РАН, Олонецкого национального музея карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина, Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге).

Хотя во введении Ю. Н. Кожевникова не посчитала важным упомянуть о том, что работа над книгой привела её в Исследовательскую лабораторию локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК), действующую как структурное подразделение Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, автор этих строк — специалист ИЛЛМИК — считает своим долгом это отметить. В рамках выполнения долгосрочного международного научно-образовательного проекта (Соглашение Teaching-Editing-Research Project), в ИЛЛМИК под руководством доцента И. А. Черняковой ведётся кропотливая работа по транслитерации и подготовке к электронной публикации средствами Internet фонда «Олонецкая воеводская изба», хранящегося в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и содержащего богатейшую информацию об административном управлении и повседневной жизни обитателей Олонецкого уезда второй половины XVII века [5, 6]. Ю. Н. Кожевникова ознакомилась в ИЛЛМИК с электронной описью первых десяти картонов фонда (1648—1681 гг.) и с заинтересовавшими её делами в формате прочитанных, транслитерированных и набранных на компьютере сставов. В главе, посвящённой истории монастыря в XVII веке, ею приведена цитата о существовании в 1660-х гг. в г. Олонце монастырского двора «”на приезд” из дела о розыске беглых пашенных солдат.

Ю. Н. Кожевникова внесла значимый вклад в изучение истории Николаевской Андрусовой пустыни. В первой главе, останавливаясь на личности основателя обители — Адриана Ондрусовского, комплексно анализируя писцовые книги XVI века, новгородские и псковские грамоты XV—XVI веков, Никоновскую летопись, автор убедительно показала, что отнюдь не Андрей Завалишин, которого «Сказание о Адриане» отождествляет с Адрианом Ондрусовским, а скорее его дед — Ширяй Завалишин — может быть идентифицирован с преподобным [3: 35—48]. Ею впервые собраны и обобщены сведения о существующих иконах преподобного, его церковном почитании и чудесах.

В остальных двенадцати главах, посвященных собственно истории монастыря, Ю. Н. Кожевникова останавливается на ключевых темах — составе братии, её моральном и духовном облике, характеристике монастырского комплекса, оценке ведения братией хозяйства и его доходности, организации паломничества.

Исследователь уделила пристальное внимание характеристике монастырского хозяйства, становлению монастырского комплекса, описанию внутреннего убранства храмов. Привлекая сведения монастырских описей, материалов ревизий и делопроизводственной документации, автор не ограничилась сухим перечислением зафиксированного в источниках имущества, которое может утомить читателя. Напротив, стремясь преодолеть трагическую ситуацию советской эпохи, оставившей на месте некогда процветавшей пустыни лишь развалины, недалеко от которых располагался летний загон для коров, Ю. Н. Кожевникова, воссоздавая мир «вещей», окружавших людей, приглашает читателя совершить прогулку по монастырской усадьбе, заглянуть в амбары и посетить сердце обители — Никольский и Введенский храмы, с хранившимися в них реликвиями [3: 145, 157—161, 195—196, 207—208].

Впервые на широком материале Ю. Н. Кожевникова рассмотрела монастырь как духовный центр местного социума, тщательно установив по документам имена и деятельность вкладчиков и благодетелей, также как и особенности паломничества в монастырь.

Впервые автор составила наиболее полный список строителей и временных управляющих обителью, помещенный в приложении (47 имен).

Останавливаясь на осмыслении опыта преобразования пустыни из мужской в женскую (1685—1720 гг.), Ю. Н. Кожевникова значительно дополнила те сведения, которые были известны И. А. Черняковой, предложив, с опорой на источники, собственное объяснение причин столь серьезной меры, предпринятой церковными властями.

Особая заслуга автора рецензируемой книги заключается в том, что она комплексно рассмотрела малоизвестную историю одного из первых женских карельских общежительных монастырей.

Критически оценивая источники по ранней истории обители, автор нередко следует за документами, ограничиваясь их простым пересказом. Так, изучая состав братии в XIX — первой трети XX века, автор приводит подробные сведения о монашествующих — их возрасте, привычках, фактах из жизни в монастыре, о конфликтах, раздиравших общину. При этом стремление к объективности, очевидно, проявляется в том, что исследователь, пересказывая источник, подчёркивает «нездоровую» атмосферу, которая зачастую царила в монастыре, объясняя её частой сменой строителей, не всегда верными решениями церковной иерархии в подборе достойных и готовых к управлению обителью лиц, использованием епархиальными властями обители «в качестве воспитательно-исправительного заведения», где должны были трудиться «светские лица, обвинённые в разных преступлениях», превращением пустыни в «ме-

сто дисциплинарной ссылки для исправления провинившихся монахов» [3: 214, 236, 284, 253–254].

В то же время, из всего повествования у читателя в конце концов складывается парадоксальное впечатление, что братия Ондрусовского монастыря не отличалась ни нравами, ни силой духа вплоть до революции 1917 г., когда монахи — те, что остались, — оказались в сложный и непростой для судеб Русской Церкви период стойкими защитниками своей веры и убеждений, снискав уважение среди обывателей [3: 304, 308—309, 320—321, 323, 326].

Возможно, избежать подобного парадоксального впечатления позволила бы иная группировка материала, заключающаяся в выделении двух отдельных задач — (1) характеристики общего состава братии и (2) оценки нравственного и духовного облика общины, с преимущественным акцентом не столько на анализ конфликтов (сведения о которых были важны именно по долгу службы для священноначалия), сколько на жизни тех иноков, кто, неся бремя подвига и послушания, хранили традиции подлинно духовной жизни несмотря на частую смену состава монашествующих (при том, что этот состав был незначительным — Андрусова пустынь как заштатный монастырь имел право всего на «семь монашеских вакансий, включая настоятеля в строительском звании») [3: 197].

Стремление максимально полно учесть все зафиксированные в документах данные с целью реконструкции объективной картины привело к тому, что повествование порой перегружено цитатами из документов, сводится к перечислению череды фактов. Излишне увлекаясь их описанием, автор ограничилась лапидарными выводами, не претендуя на более концептуальное осмысление собранного ею богатейшего материала.

В то же время, привлечение комплекса обнаруженных документов, вне всяких сомнений, позволило Ю. Н. Кожевниковой блестяще преодолеть сложившееся в историографии положение, прояснить некоторые дискуссионные вопросы и ликвидировать многочисленные «белые пятна» в истории Андрусовой пустыни, успешно воссоздав не только хозяйственную деятельность братии, о которой традиционно много пишут историки, но и духовную её жизнь, которая в большинстве случаев остаётся в тени и «ускользает» от внимания ученых, подменяется общими констатациями и положениями.

Монография Ю. Н. Кожевниковой представляет собой настоящую «энциклопедию» жизни древней карельской пустыни, её «летопись», о создании которой мечтает, наверное, любой возрождающийся монастырь. Хочется также подчеркнуть, что автор — человек не просто знакомый с христианством, но верующий. В своё время, посещая не однажды Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, Ю. Н. Кожевникова привела в первый раз и автора этих строк в обитель, приобщив к «будням» её жизни. Великолепно владея церковной терминологией, «изнутри» зная традиции православия, прекрасно владея языком, автор подарила читателям великолепный труд, который по достоинству оценят и специалисты, и краеведы.

Список использованной литературы

1. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — XX в. / Ю. Н. Кожевникова. — Петрозаводск : Изд-во Спасо-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. — 303 с.
2. Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории : Благовещенская Яшезерская пустынь / Ю. Н. Кожевникова. — Петрозаводск : Verso, 2014. — 343 с.
3. Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь, XVI—XX вв. / Ю. Н. Кожевникова. — Петрозаводск : Verso, 2017. — 400 с.

4. Чернякова И. А. Андрусов монастырь на пороге Нового времени : к истории старообрядчества в Карелии / И. А. Чернякова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия : Общественные и гуманитарные науки. — 2008. — № 4. — С. 15—30.
5. Чернякова И. А. Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции «Олонецкая воеводская изба» в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Рябининские чтения-2011 : Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 196—199.
6. Чернякова И. А. TERP : Teaching-Editing-Research Project [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии. — Электрон. ст. — Петрозаводск, соп. 2013. — URL : <http://illmik.petsru.ru/illmik/TERP.html>. — (05.10.2018).

Evgenia D. Suslova

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Specialist of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
PhD in History

TRAVELING THROUGH CENTURIES: THE HISTORY OF THE NIKOLAYEVSKY ANDRUSOV MONASTERY

(*Review of the book Nikolayevskaya Andrusova Pustyn'. From the 16th to the 20th Centuries, by Yu. N. Kozhevnikova. Petrozavodsk: Verso, 2017. 400 p.*)

Abstract: The reviewed monograph, published in 2017, is dedicated to the history of a tiny Nikolayevsky Andrusov Monastery ('Pustyn'), located in a secluded corner of the eastern coast of Lake Ladoga, on a small peninsular cape. Having devoted her first monograph to the study of the general and the particular in the fate of Karelian monasteries between the middle of the 18th and the beginning of the 20th century, the author decided to record the unique history of each monastery. This monograph is the second in the series, which was opened by Yu. N. Kozhevnikova in 2014 with the book on the history of the Yashesero Monastery of the Annunciation, founded by Rev. Jonah in the second half of the 16th century on the shores of Lake Yashe-ozero in south-western Prionezhye.

Keywords: Nikolayevsky Andrusov Monastery; Nikolayevskaya Andrusova Pustyn'; Orthodox monasticism; coenobitic monastery; local communities; Karelia; Olonetsky Uyezd; Russian Orthodox Church